

ВИТОР ПЕТРОВИЧ ЕРШОВ

Сайт: Медвежьегорск - Республика Карелия

<http://medvezhyegorskhistori.ru/istoriya-goroda/medvezhegorskij-rajonnyj-muzej.html>

Статья посвящённая 45-летию Медвежьегорского районного музея

О В.П. Ершове рассказывает директор С.И. Колтырин.

С.И. Колтырин — директор музея с 1991 года.

Без чего невозможно представить настоящий музей? Разумеется, без помещения, экспонатов... Все это верно. Но самое главное — не бывает музеев без людей-энтузиастов, которые работают не ради материального достатка и известности, отдают все свои душевные силы работе... Такие люди обычно стоят и у истоков музеев.

В начале шестидесятых годов прошлого века в Карелию приехал выпускник Казанского университета Виктор Петрович Ершов. Уроженец города Ардатова, он в студенческие годы буквально влюбился в Карелию и по окончании вуза добился направления именно сюда. Вот как он сам вспоминал об этом: «...Фирменный поезд «Арктика» доставил меня на станцию со звучным названием «Медвежья Гора». Деревянное здание вокзала под шпилем, поросшие лесом скалистые сопки, одна из которых, как уверяет легенда, и дала «медвежье» название городу, синяя гладь Онего, до которого от вокзала ровно пять минут хода... Вот она — страна Карелия!

Виктор Петрович Ершов

Экзотика северного города заставила забыть о тяжелом чемодане с книгами, и я медленно шел по направлению к школе, останавливаясь то у больших бревенчатых домов с резными досками по краю крыши, то у горбатого резного мостика... Наконец улица привела меня к большому серому зданию, архитектура которого была так же необычна, как и окружающая природа». В этом сером здании в те годы располагалась Медвежьегорская школа-интернат № 4, где Виктор Петрович начал свою трудовую деятельность.

Туристические походы — примета шестидесятых годов прошлого столетия. Разумеется, Виктор Петрович, преподаватель географии, молодой и полный энергии человек, с самых первых дней своей работы в школе-интернате увлек своих воспитанников романтикой походов по родному краю. Но не только природа, не только свежий воздух и простор манили его в путь. Богатейшая история края — старообрядческий Выг, былинное Заонежье, Паданская глубинка — приглашала познакомиться, прикоснуться к старине...

Пешком обошли Виктор Петрович со школьниками из Медгоры весь район. Многие деревни тогда уже приходили в упадок. Зброшенные дома и часовни ветшали, необходимо было зарисовать их или сфотографировать. Виктор Петрович учил краеведению не по книгам, не умозрительно, а живо и наглядно. И из каждого похода возвращались с «трофеями» — подаренными или найденными в тех самых полуразрушенных домах предметами домашней утвари из дерева, бересты и меди, иконами и прялками, вышивкой и старопечатными книгами... Участвовали и в археологических экспедициях совместно с московскими историками — и также собирали в школьную коллекцию орудия труда древних людей, осколки керамики, другие интересные предметы.

Что делать со всем этим богатством? Прежде всего, изучать. И в школе-интернате создается клуб юных краеведов — КЮКР, позже получивший название «Восьмерик». Уже в 1961 году началась работа по созданию школьного музея. Было выделено помещение на первом этаже школы-интерната — бывшей гостиницы ББК. Всю работу по созданию экспозиций — подготовка экспонатов и сопроводительных надписей, оформление, монтаж — выполняли воспитанники школы-интерната под руководством Виктора Петровича.

И, наконец, 7 апреля — первые посетители. Первая запись в книге отзывов — в день рождения Виктора Петровича, 12 апреля 1962 года: «...Ученики 4 «а» класса Медвежьегорской восьмилетней школы посетили краеведческий музей при школе-интернате. Экскурсия в музей нам очень понравилась. Много собрано и оформлено экспонатов. Просто и доходчиво руководитель музея Виктор Петрович объяснил историю создания музея и сбора экспонатов». И — началось. Приезжали школьники из района и республики, студенты вузов, летом — туристы с теплоходов «Циолковский» и «Алтай»... Необходимо было проводить экскурсии — и за это дело также взялись школьники. Было создано экскурсионное бюро — 26 учеников старших классов приняли участие в его работе. В 1968 году участники VIII Всесоюзного литологического совещания посетили школьный музей, уже известный не только в республике, но и за ее пределами. В 1960-е годы в музее побывали карельский классик Яако Ругоев и автор бессмертного «Жди меня» Константин Симонов, лауреат Ленинской премии Григорий Файнштейн и участница похода Тойво Антикайна Алиса Суси. На базе музея в 1965 году проводился Всесоюзный семинар учителей-географов. Газета «Комсомольская правда» и журнал «Юность» писали о маленьком карельском городке, энтузиасте-учителе и его учениках, юных краоведах.

В конце 1960-х — начале 1970-х годов краеведческий музей, созданный на базе школы-интерната В.П. Ершовым и его учениками, «перерос» рамки школьного музея. В официальных документах он фигурирует под названием Медвежьегорского Народного краеведческого музея. 7 июля 1970 года музей становится филиалом музея-заповедника «Кижы». Основатель Медвежьегорского музея Виктор Петрович Ершов в первой половине 1970-х годов переехал в Петрозаводск. Его ждала преподавательская деятельность в столичных вузах, научная работа — уже не на местном, а на республиканском уровне... Сотрудником музея оставалась воспитанница школы-интерната № 4 Н.Н. Ригачная, однако вскоре случилась беда: Нина Николаевна заболела и безвременно ушла из жизни. Некоторое время в музее даже не было сотрудников, он фактически не работал.

Возрождение Медвежьегорского музея началось в 1975 году с приходом нового руководителя — Виктора Алексеевича Поваляева. В его бытность музей вновь изменил статус, став филиалом теперь уже Карельского государственного краеведческого музея. Многие приходилось начинать заново — без помощи опытных специалистов справиться было бы невозможно. Сотрудники ведущих музеев республики — КГКМ и музея-заповедника «Кижы» — оказали Медвежьегорскому музею поистине неоценимую помощь. Борис и Виола Гуцины принимали участие в инвентаризации фондов музея. Сотрудники КГКМ Людмила Капуста и Светлана Кузнецова приняли участие в создании отделов музея — первыми были созданы постоянные экспозиции, посвященные истории родного края.

Дневник заонежского бондаря.

Ершов Виктор Петрович, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры РК, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств

Его я нашел в конце 2009 г., разбирая старые папки, давно лежащие на антресолях. Желание навести порядок, иногда приводит к замечательным открытиям. Среди каких-то тетрадей, рукописей, фотографий в синей папке лежала совершенно неприметная книжечка в коричневом, картонном переплете. «Книжка для приемщика хозяйственно-заготовленных бревен в операцию 192 ... 192... гг.» под грифом Лесозаготовительного отдела Управления Лесами А.К. С.С.Р.». Уже сама книжка

представляет памятник экономической деятельности в Карелии 20-х гг. Типографская форма (страницы разграфлены на горизонтальные и вертикальные графы) послужила автору основой для дневниковых записей: каждая строка отводилась одному члену семьи: автору, Митрию (Митьке, Дмитрию Павловичу) – сыну его, Марье Дмитриевне – его жене и хозяйке или какому-либо событию. Графы заполнялись убористым текстом, написанным остро отточенным простым и химическим карандашом. Нумерация страниц проставлена от руки коричневыми «галловыми» чернилами, которые изготовлялись в те далекие времена из шишечек ольхи и железного гвоздя. В послевоенное время в школе я писал такими чернилами, которые делал мой отец.

Рукопись была ветхая: обложки жили сами по-себе, к автономному существованию стремились и страницы. Их удерживали две тесемки, которые скрепляли тетради книжечки. На верхней обложке наклеен белый бумажный прямоугольник с аккуратно обрезанными уголками. Со временем он почернел от «пыли веков»

и когда-то написанные карандашом «выходные данные» этой «книги» почти не читались: с трудом можно было разобрать имя «Павел Т...». Криминалисты МВД, к которым я обратился, добавили немного – «др. Красн...» (деревня Красная Сельга)».

И так, это был дневник – уникальный памятник крестьянской письменной культуры 30-х годов XX века, эпохи коллективизации и начала умирания крестьянской цивилизации.

40 лет назад, летом 1971 г. я с ребятами из школы-интерната №4 г. Медвежьегорска шел по маршруту – Мягрозеро – Селецкое – Кузаранда – Ламбасручей, (Заонежье). Поход был захватывающе интересный, я знакомил ребят с жилой, хозяйственной и культовой архитектурой, знакомились с жителями, пользовались их гостеприимством, привезли в школьный музей много предметов быта, орудий труда, вышивки, иконы... Музей из школьного ныне стал муниципальным. Побывали и в деревне Красная Сельга, к этому времени она была уже не обитаемая («как остров в океане»), как, впрочем, и многие другие деревни Заонежья. Сказались репрессии, война и ущербная политика 1960-х гг. укрупнения деревень. Люди бросили дома. Да какие! Заключенные, они стояли скорбными, но могучими памятниками умирающей деревенской культуры. Таким архитектурным памятником был и дом, в котором мы нашли этот дневник.

В 1960–70-х годах после книги Вл. Солоухина «Черные доски» начался бум по собирательству «черных досок». Шквал столичных искателей прокатился по Заонежью (как, впрочем, и по всей Карелии!). Вскрывались пустующие дома, увозилось все, что можно было взять. Бумаги, конечно, не интересовали никого. По привычке собирателя я взял бумаги, валяющиеся на полу выпотрошенного дома. Дом был огромным, со взвозом, на высоком подклете, с безгвоздевой крышей и могучим шеломом, окна со ставнями и резными наличниками, с балконом-гульбищем и крыльцом на витых, сказочных столбиках. Не зря его позже перевезли в Кижы (1975 г.). Я все это хорошо запомнил, потому, что рассказывал своим маленьким спутникам о его архитектурных особенностях. Я тогда не мог предполагать, что снова, через 40 лет я возвращусь к нему.

Я жил тогда при Медвежьегорской школе-интернате, в сталинской квартире² и, вероятно, привезенные из похода бумаги взял для просмотра к себе в комнату. По

какой-то причине дневник остался в папке и пролежал 40 лет. Да не осудят меня за это музейщики! Был я тогда молодой, совсем не опытный и много еще не понимал...

Но вернемся к дневнику. Автор вел дневниковые записи с 1932 по 1936 г. 1938 год упоминается только один раз на последней странице при каких-то не очень понятных расчетах.

Начало дневника относится к 29 сентября 1932 года. При записях автор использует старый и новый стили календаря. Перед числами он указывает сокращенно дни недели. Как известно, разница между старым и новым стилями – 13 дней. Однако первые записи сделаны с нарушением соотношений: «В. 11–28» (вторник. 11–28 сентября); «С. 12–29» (среда 12–29); «Ч. 13–30» (четверг. 13–30 сентября). Разница – 17 дней. Но, уже начиная с 1 октября, соотношение восстанавливается, хотя нередко нарушается и дальше.

У дневника, вероятно, были предшественники, записи автор вел, видимо, на протяжении всей своей сознательной жизни. Тот, кто ведет дневник, – обычно делает это с завидным постоянством, если этому не мешают какие-то обстоятельства. Наверняка были еще тетради, в которых он писал о своих родителях, о строительстве дома в конце XIX века (это же такое событие и оно происходило на его глазах!), о своей женитьбе, рождении детей. Потому о семье в этом дневнике ничего не говорится. Дневник является продолжением предыдущих записей.

Вместо учетных данных возчика леса автор из заонежской деревни Красная Сельга в каждую горизонтальную графу страницы втискивал события дня, слова иногда сокращал, но в целом текст был понятен, например: «1932. в. (воскресенье). III (март) – 28. Пришел от праздника. От Черк (*Черкасы – В. Е.*), шол 4 часа. Погода хорошая. Митька ушол в Ламбастручей для промерки межи. Хозяйка дома кое-что»; «Ч. 21–8. Я был на озери на Койбозери, сачил 1 рас все озеро объехал и ничего недостал вынес сак Митрий на медвеш Марья на смолокурки осмол заготов. Хозяйка вколхози огород поливала». (Орфография и стиль сохранены). Вот в таком телеграфном стиле автор «Павел» вел дневниковые записи, в основном не выступая за пределы типографской графы. Это важно отметить: содержание записи детерминировалось типографской разграфкой страницы: строчка – событие.

Другая особенность: содержание строилось по твердой схеме, от которой автор почти никогда не отступал: первая строчка – о самом себе, любимом – что он сегодня делал: тесал доски, вязал сеть, делал ушат, похожал, сколько рыбы достал... Всегда он в первой строчке. Вторая строка – Митька (Митрий) – его сын. Так же подробно, но в рамках одной строки: Митрий пахал (орал), косил, был на смолокурке, на ремонте дороги, работал в лесу, праздновал... Третья строка – Марья, жена Митрия: жнет «рож», сажает картошку, косила, грабила и сушила сено, рубила дрова, пасла коров... Женские крестьянские работы мало чем отличались от мужских в то время. И четвертая строчка – Хозяйке. Имя ее не называется – просто хозяйка, потому и пишу ее с заглавной буквы. Она работала уборщицей в конторе Райлесхоза и еще – «стерала», мыла, топила байну, морозила тараканов, ткала, косила, занималась скотиной, землей, картошкой...

Этот шаблон дневника значительно облегчал писательский труд автору и стимулировал его к этой деятельности, она стала для него частью жизни, стереотипом; вероятно, под вечер, при свете лучины или керосиновой лампы (в деревне Красная Сельга никогда не было электричества) он садился записывать, чем каждый занимался,

подводил итог дня. Может быть, поэтому в дневнике нет размышлений, оценок, проявлений чувств, недовольства, радости... Нет в дневнике и ничего о каждом члене семьи: сколько лет, где учился, какие отношения между ними – только работа и «праздники». Редко промелькнет, что Митрий был пьян, или – ушел на «беседу» в Барковицы, уехал на учебу. Даже о женитьбе Дмитрия на Марье сказано в нескольких строках.

Публикуемый дневник писался в 30-х гг. (1932–1938 гг.) XX века в д. Красная Сельга (Заонежье), она имеет и другое (старое) название – Грязная Сельга. На это указывал еще известный финский исследователь иконы и заонежской архитектуры Ларс Петтерссон (1943 г.). Об этом же сообщил мне Е. М. Морозов, краевед, автор книжки о соседней деревне Селецкой, не раз упоминаемой в дневнике. Это же название деревни сохранили и расстрельные списки Карелии: из деревни Грязная Сельга было «взято» и расстреляно в 1938 г. три человека (Поминальные списки Карелии. 1937–1938 гг. Петрозаводск, 2002. С.105).

Тридцатые годы сделали этот дневник ценнейшим историческим документом, несмотря на то, что его автор не выходил в своих записях за пределы семейного круга. Он как бы со стороны констатировал круг своих забот и домашних дел: что делал он, его хозяйка, Митрий и его жена Марья – и так – год за годом. В дневнике почти нет ничего, что давало бы возможность понять – имя-фамилию автора, его образование, возраст домашних, почти ничего о соседях, о начальстве, политике, деревенских детях, школе, учителях, врачах... Ни-че-го... Но из записей все же можно понять, что деревня жила полнокровной жизнью: были собрания, проводились воскресники, на которых работали бесплатно (это автор подчеркивает), колхоз выращивал овощи, лен и другую сельскохозяйственную продукцию, было стадо коров, коней, люди занимались лесозаготовками, «курили» смолу, деготь, ремонтировали дороги, приезжала кинопередвижка, были собрания и митинги, было, как всегда, много разного начальства – десятники, пунктовые, счетоводы, кладовщики, инструктора – все они аккуратно перечислены в дневнике. Всего в деревне Красная (Грязная) Сельга на 1937–38 гг. проживало 97 жителей: 47 мужчин и 50 женщин, половина из них – старики и дети (Поминальные списки Карелии. 1937–1938. Петрозаводск, 2002. С.105). На примере этой деревни хорошо прослеживается политика уничтожения, «выбивания» самых активных, умелых, сильных мужчин деревни, что в конечном итоге значительно подорвало как само сельское хозяйство, деревню, так и генофонд населения страны в целом. Вероятно, они выражали свое недовольство, обсуждали, что делается в их маленьком мире. Этого было достаточно...

Имя автора дневника долгое время было не известно. На обложке, как я сказал, удалось прочесть только имя «Павел», но на стр. 39 (оборот), «ноябрь, пятница, 19-6» он пишет, что в этот день праздник св. Варлаама, и в этот день он именинник. Значит, его имя могло быть – Варлаам. (в деревне Черкасы недалеко от Красной Сельги стоит часовня Варлаама Хутынского!). Но 6 ноября – есть и память Павла исповедника. И так, мы приняли как за рабочую гипотезу имя автора – Павел.

На первой странице (оборот) дневника был записан адрес: «Адрес дер. Крас. Сельга, дом Ананья Степану Денисьеца». Предположили, что фамилия его – Ананьин, кто Степан Денисович? Так пока и неизвестно. На с. 82 (оборот, октябрь 1934 г.) упоминается Ананьина Ап. Ив. – уборщица райлесхоза, как я понял – жена автора. Так определилась фамилия Павла – Ананьев. Далее на помощь пришел всезнающий Интернет. Нашел информацию о деревне Красная (Грязная) Сельга. Оказывается, два дома из нее – дом Березкиной и дом Ананьева были в 1975 г. перевезены в Кижский

музей-заповедник и входят в архитектурный комплекс деревни Ямка. Именно этот дом Ананьи был указан в дневнике на второй странице. Мог ли я предполагать, что дневник снова свяжет меня с этим домом!

Но на ловца и зверь бежит. Оказывается, в Марциальных Водах проживает женщина из Красной Сельги, хорошо знавшая автора дневника и его семью. Евдокия Федоровна Агапитова (в девичестве Июдина), мать известного этнографа, переводчика, поэта и художника В. А. Агапитова, ей – 82 года, но память ее отличная. Родом из д. Верхнее Мягрозера, которое имело еще местное название – Куричино. Долгое время ее семья проживала в Красной Сельге. Она-то и сообщила, что имя автора дневника Павел Тимофеевич Ананьев, она его хорошо знала. Умер он в конце 30-х годов, (едва закончив дневник). Жену (хозяйку) его звать Апполинурия Ивановна, у них был единственный сын – Дмитрий, которому так много уделял внимания в дневнике отец. Знала она и жену Дмитрия – Марью Дмитриевну. Но, кто ищет, тот еще раз найдет! На днях известный краевед, живший в те 30-е годы в соседней деревне Селецкой, Е. М. Морозов сообщил мне телефон Раисы Дмитриевны Голицыной, которая является внучкой Павла Тимофеевича, дочерью его сына Дмитрия! Это был приятный сюрприз! Ей я обязан ценнейшей информацией.

Павел Тимофеевич – автор дневника грамотный, неординарный человек. Судя по орфографии, он учился, возможно, в церковно-приходской школе или в училище однодвухклассном? Встречается старая орфография: «делал лучки **новья**», иногда в словах встречается буква «Ъ» (дали денекь)... Числа календаря указаны по новому и старому стилю. Почерк твердый, устоявшийся, можно сказать, что это человек, привыкший к письму. Не каждый способен на протяжении многих лет вести дневник жизни.

И все же при расшифровке дневника было немало трудностей: карандашные строчки иногда перекрывались типографским шрифтом «книжки возчика», предлоги он пишет слитно – «сажали картошку камбару». Долго ломал голову, что это такое – камбара. Оказывается, «сажал картошку к амбару!» (С. 15 мая. 1935. С. 52). «Марья валила подлен». Поди, догадайся, что это за «подлен»! Окончания слов часто недописаны, знаков препинания нет, нет согласований, будто писал не русский, топонимы пишет с прописной буквы: «Марья грабил и убира...». Он читает книги, выписывает газеты, ведет какие-то счета в конторе Райлесхоза: «Я писал счет в райлесхозе» (В. 3–21), пишет дневник: «Я писал немного», (янв. С. 9–27, 1935); «Был дома. Читал газеты». В дневнике множество учетных данных – по продовольствию, лесу, урожаю. В графе расходов указываются суммы на выписку газет, на покупку марок и конвертов. По рассказам родственников хорошо играл на гармошке.

Он немногословен, хороший хозяин, умелец, делает деревянную посуду и катанки «починяет», и сани отремонтирует, но в основном он – бондарь. На странице 89 (оборот) перечисляет все виды посуды, которую он продает: ведра, ушаты, лоханки, квашни, шайки, стоянки, бураки... Здесь же приводится «счет посуды», проданной на 267 руб. Это существенный заработок для семьи. «В. 2–20. Воскресенье. Выехали с посудой к Спасу к ночи. Ночевали у спаса нетленного с Митькой. П. 3–21. Проехали от Спаса в **Кяписельгу**. Ночевали у кумы Стафеевой. в. 4–22. Торговали по **Кяписельги** и вернулись обратно до **Викшозеру**. Ночевали у Феклистова... С. 5–23. выехали из **Викшозера** и проехали домой ночью в 2 часа. Посудой торговали хорошо. Продали своего товару на 366 (руб.), из него сделали расходу ... 12 руб. ... наличные деньги 340, овсом и табак 26 руб.». Спрос на посуду, видимо, был большой, поскольку известно, что в Красной (Грязной) Сельге были еще бондари – Губин Петр Михайлович, Федосков Иван Николаевич. Печальную информацию о них получил из расстрельных

списков по Карелии (Поминальные списки Карелии. 1937–1938. Петрозаводск, 2002. С. 105). В соседней деревне – Карасозере, 7 км от Красной Сельги, из 13 репрессированных было 6 специалистов по производству деревянной посуды (там же, с. 105–106). Бондари, видимо представляли особую опасность для Советской власти и деревенского сообщества.

В «колхозы» наш автор не работает на постоянной основе: не «орет» пашню, нет никаких данных о том, что он выполняет какие-то сельскохозяйственные работы. Он столярничает, плотничает, занимается бондарным промыслом и это, как мы видим, дает ему хороший доход и лишь изредка пишет, что косил или «починял» что-то в колхозе... Как мы знаем, он имеет большой (очень большой!) дом, который сдает в аренду под контору райлесхоза, у него живут на квартире все приезжие в деревню – печник, пекарь, таксатор, лесник, сапожник, пилостав, девушки-лесозаготовители, «работчие» от райлесхоза и это тоже дает доход. В райлесхозе он ведет учет работы возчиков и лошадей, учет канцелярских принадлежностей и т. д. «П. (понедельник), 4–19. Я просидел в конторе для расчета» (С.51). Павел Тимофеевич имел большое хозяйство – несколько лошадей, коров, овец, птицу, водяную мельницу. На чердаке дома в послевоенные годы, по рассказу Раисы Дмитриевны сохранился сундук с деньгами: когда-то хозяин продал две лошади, деньги при реформе пропали, ими играла в детстве Раиса Дмитриевна.

Вторая страница дневника (не нумерована). На ней крупными буквами, химическим карандашом запись о взятых автором со 2 по 8 января 1936 г. небольших сумм денег. Почерк и стиль автора, но записано так, что создается впечатление, что руки не совсем его слушаются. Возможно, Павел был серьезно болен. Запись сделана в 1937 году: страница начинается со строчки: «2 рубля старого 1936 года». Записей в 1937 году мы больше не встречаем. В конце 1935 г. все чаще встречаются заметки: «болен», «очень болен», «сильно хворал» и даже – «болен, при см (*смерти?*)». Правда, на частично сохранившейся последней страничке стоит дата 1938 г. и какие-то помесечные записи его почерком учета дней? (217 1/2 дня – итог с января по август I столбец). Дневник на этом заканчивается. Известно, что репрессии по Заонежью прошли в основном в 1938 г., автора они не коснулись, он умер своей смертью вскоре после того, как закончил дневник (в 1938–39).

Семья его состоит из 4-х человек – он, хозяйка Апполиария Ивановна, сын Митрий (Дмитрий Павлович) и его жена – Марья Дмитриевна. Но это постоянные персонажи дневника. По сообщению Раисы Дмитриевны Павел Тимофеевич был женат три раза. От первого брака у него были три дочери, которые к этому времени уже были выданы замуж: Александра Павловна – в д. Юлмаки (Миронова), Надежда Павловна – в Черкассы (Багрова), третья дочь Настя – в Барковицы. Они часто приходят в гости с мужьями или по отдельности. От второй жены дочь – Марья Павловна, 1904 г. р., выдана замуж за Конева Ивана Степановича в Устьреку. Третья жена – Апполиария Ивановна, она родила ему сына – Дмитрия. Митрий и его жена Марья – колхозники; разные полевые работы в колхозе выполняет и хозяйка Апполиария Ивановна, в то же время она в конторе Райлесхоза работает уборщицей, топит баню для рабочих и призывников.

О Дмитрие: Дмитрий (Митька, Митрий) – единственный сын Павла Тимофеевича родился в 1915 г. от третьей жены Апполиарии Ивановны. Женат, молод (к этому времени ему было 17–19 лет, его еще не призвали в армию, на все руки, как и отец, мастер. Он перенял от отца бондарное ремесло («Митрий сделал 1/2 ушата»), умеет плотничать, хорошо управляет с конями, с лодкой, выполняет самые разнообразные

работы в колхозе – пашет, боронует, косит, работает на лесозаготовках, на смолокурке, на подсочке, умеет починить обувь, изгородь, подковать лошадей, что говорит о его связи с кузницей. Не говорю уже про рыбный промысел, т. е. он делает все, что умел делать каждый крестьянин. Он активен и в общественной жизни. Неоднократно автор упоминает, что Митрий ушел на собрание, вместе с председателем колхоза проверяет какие-то учетные данные или на ревизии: «Митька при учете председателя колхоза», принимает и вешает овес, раздает мясо и солонину (С.58, об.), т. е. он достаточно грамотный человек и активно участвует в колхозной жизни. «В. 1–V–18. Первое Мая. Я вязал вершу. Митрий и Марья празновали», т. е. молодые достаточно активно откликнулись на новую жизнь. В дневнике ничего нет о его образовании. Есть несколько строк, что его отправили на учебу: «С. (среда), 30–17. Я дома кое что. Митрий ушел в **Шуньгу** на все обучение». Этот всеобуч продолжался почти **2 недели**, в чем он заключался из дневника не понятно.

Как-то невнятно и мимоходом сказано о женитьбе Дмитрия. На с. 10 в пятницу, 1 апреля 1933 года: «Я дома щыпал лучину. Митька возил дрова, сено и ушел к Черкасу за рыбой. Хозяйка кое-что, извать зятя на свадьбу»; Свадьба? Чья? На следующий день записывает, опять как бы между прочим: «Митька ушел наустьреку звать зятя и Маню на свадьбу. Хозяйка готовится кпразнику и свадьбе». Обычно к свадьбе готовятся задолго. Здесь же это событие всего в нескольких строчках. Далее запись 3 апреля, на Пасху: «В. 16–3. воскресенье, были сватать. И пришел зять черкасской... были сватать четыре человека». Здесь все не понятно. Сватали обычно невесту. Сваты приходили в дом невесты. Это был сложный и разработанный сценарий. Ничего подобного в дневнике нет: «П. (понедельник), 17–4: Я был в свадьбы, играли свадьбу. Пришел зять устьрецкий, Марья барковск. (кая) и клаша черкаская. Насвадьбу отнас было 8 человек, от туда 14 человек...». в. (вторник) 18–5. Было гостей на красный стол тоже 14 чел. Вина в свадьбу вышло 11, 5 литр». В среду, т.е. на следующий день после свадьбы он уже пишет: «С. 19–6. Я начал починять верши, Митька (это жених!?) в колхози возил сено». Выходит, свадьба проходит как-бы между делом. Имя жены Митрия не называется, только через несколько дней, в понедельник появляется запись: «П. (понедельник), 21–8. Митрий возил дома дрова смолодух (ой)». Через 16 дней снова появляется «молодуха» и опять без имени: «В. (воскресенье), 7–24. Митька ушел к Черкасу в гости смолодухи» (С. 11, об.). Теперь в доме две «бабы» – хозяйка и жена Дмитрия, пока без имени: «Ч. 27–14. Был похожать верши 12 ш. Достал рыбы одну варку. Митька в колхози возил сено. Бабы пилили дрова в лесях». «П. (понедельник), 24–11. Я починял верши. Митька в колхози возит сено. Бабы подокном пият дрова» – это хозяйка с невесткой. И только на 11 странице мы узнаем имя жены Митрия: «В. 30–17. Воскресенье. Я празновал. Митька и Маня ходили похожать верши». Далее в дневнике она все время называется – Марья, Марья Дмитриевна 1911 г. р. Прошла неделя, в Фомино воскресенье Павел Тимофеевич записывает: «В. 23–10. «Фомино воскресенье, были нахлебинах, немного выпил, и все были в гостях» (С. 10, об.). Обычно «хлебины проводились на третий день свадьбы в доме родителей невесты. Проходит еще неделя и снова запись о хлебинах: «С. (суббота), 29–16. Были похожать верши 2 с марь (с Марьей) Митька приехал с Великой Губы к ½ дню. Потом были хлебины, гости и ходил в баню». Но пусть в этом разбираются этнографы. И, наконец, на с. 26, 1934 г., февраль, четверг: «Ч. 15–2. Митрий и Марья ездили к Карасозеру записыватья женитьбой». Сохранившееся у Раисы Дмитриевны «Свидетельство о регистрации брака» Дмитрия и Марьи в Карасозерском с/совете подтверждает эту запись. У Дмитрия и Марьи Дмитриевны было четверо детей. О них Павел Дмитриевич почему-то не пишет. Первой родилась Лиза, умерла через несколько дней, затем Виктор, умер через полгода (призорилось), в 1937 г. родился Сергей, умер недавно – 18 февраля 2008 г. Осталась одна дочь – Раиса Дмитриевна, 1941 г. рождения. Она и

рассказала, что отец – Дмитрий Павлович участвовал в Финской компании – 1939–40 гг., вернулся с войны, был председателем колхоза, затем в 1941 году мобилизован снова. Первое и последнее его письмо домой было из Лихославля, из госпиталя. Погиб в 1944 г. Еще одна запись была непонятна: Стр.11, «С.6–23... . Маня ходила в **Карасозеро** крестить ребенка». Имя ребенка не называется, чей ребенок? Марья – жены Дмитрия? Но со дня свадьбы не прошло и месяца. Ясность внесла Раиса Дмитриевна: – Маней Павел Тимофеевич обычно называл свою дочь – Марию Павловну из Устьреки. Она в это время гостила в доме отца и из Красной Сельги ушла крестить своего ребенка в Карасозеро.

Марья Дмитриевна (1911 г. р.), жена Дмитрия: она упоминается в дневнике почти всегда с рядом с Дмитрием. Она родом из Устьреки, сирота, вырастили ее Сафонов Федор Степанович и Губин Иван Дмитриевич (репрессированные впоследствии). Женщина она была работающая – пашет и косит, убирает картошку, боронует и «сият овес, похажает верши, ни часа без дела... Так что можно сказать, что Дмитрию повезло с женой. Только один раз в дневнике отмечено «Марья пьяна».

И совсем тенью проходит в дневнике Хозяйка. Это третья жена Павла Тимофеевича. Она всегда на заднем плане, в последней строчке дневника. Имя ее упоминается всего два раза – на с. 82 (оборот) и 83 1934–35 гг. – «Ананьина Ап. Ив. – уборщицы в райлесхозе», ее месячный оклад – 55 руб., с января 1935 г. прибавлено 16 руб. – оклад стал 71 руб. Евдокия Федоровна Агапитова подтвердила это имя. Апполиария Ивановна – мать Раисы Дмитриевны. Чаще всего автор пишет: «Хозяйка дома, кое-что». Но это «кое-что» – труд на земле, дома, в колхозе. Она работает наравне с мужчинами. Она и уборщица в конторе райлесхоза, получает живые деньги, что стоит один только труд по дому: мыть полы, стены, потолок, она топит «байну», стирает, ткет...

Безусловно, автор – верующий человек, как, наверное, и большинство жителей деревни в то время. В дневнике перечисляются все религиозные праздники, которые он праздновал, иногда добавлял: «Празновали все», или «Я и хозяйка праздновали», в его доме часто бывает священник, «славит Христа», он жертвует деньги на часовню, покупает свечи, заказывает молебен и отмечает это в расходах в дневнике. Он и его родные (хозяйка, Митрий и Марья) ходят в соседние деревни на престольные праздники. Все религиозные праздники отмечаются «во первых строках» дневника: «В. 16–3. Святая Пасха. Воскресенье, были сватья. Пришел зять черкасский, были свои ... четыре человека». В религиозные праздники родственники собирались вместе, съезжались из ближайших деревень, гостевали... В дневнике отмечены все эти знаменательные для сельского жителя даты, сколько гостей было, сколько вина выпито: «П. 4–22. Праздник Казанской Божей матери (ей в деревне посвящена часовня – В. Е.). Празновали, обедало 1 стол, 16 ч за 2... С праздника ночевало 3 челов». Приписано на полях: «разной рыбы куплено и сахар 1 пуд 50 р.». Или: «Маня ходила в **Карасозеро** крестить ребенка...»; «В. 23–10. Фомино воскресенье, были нахлебинах, немного выпили, и все были в гостях»; «Я был позван в часовню»; «Праздник Покров Пресв. богородицы... Я и хозяйка праздновали»; «В. 9–27. Воскресенье вербное, праздновал. Митька был на собрании у **Карасозера**. Хозяйка рубила дрова».

Запись эта примечательная. Автор дневника праздновал, а Митька был на собрании, и хозяйка в религиозный праздник работала. Все это говорит о размывании религиозной традиции. Правда, молодежь отмечает религиозные и советские праздники: «П. (понедельник) 21–8 (по новому и по старому стилю). Праздник Михайлов день я праздновал. Митька был у праздника в **Леликозере**, ночью приехал

домой». Записи дневника отмечают, что Митька и Марья совмещают празднование с работой. О советских праздниках очень скупо: «Советской праздник. Был дома, наладил в хлев Ромку. Митька ушел к советскому празднику Карасозеру». Или: «Вторник, праздник советский и ... мы празновали»; «П. (понедельник) 1–18 (май – по новому и ст. стилю). 1 Мая празновали. Митька и Марья ходили похажать верши, никого недостали. Потом Митрей к **Карасозеру** празновать, а мы дома празновали». Никаких комментариев нет по поводу советских праздников. Но все-таки празновали! Новые праздники входили в жизнь. Воскресенье было для него так же праздничным днем в том смысле, что это день отдыха от всяких работ: «В. (воскресень), 6–24. Воскресенье, празновали. Митька пришел ночью домой с Селеского послы бесёды в 3 часа ночи» (С.3, об.). Бесёды молодежь проводила в воскресные и праздничные дни: «В. 23–10, октября: Воскресенье, празновали...». Но в то же время были и в воскресенье неотложные работы: «Митька конюхом».

Привычка писать проявляется и в учете доходов и расходов в семье. Все аккуратно записано: доходы – сколько получено с колхоза, с райлесхоза, за аренду дома под контору, за квартирантов, за работу в конторе, с должников (не забывает записать, кому и сколько давал в долг и когда получил долг), сколько выручил от продажи сделанной посуды, расходы – на хлеб, муку, вино, табак, чай, сахар, соль, спички, гвозди сапожные, одежду, пастуху, священнику, сколько дано денег Дмитрию, хозяйке, Марье и т. д. Это документ, который воссоздает экономический потенциал зажиточной заонежской семьи. Я помню, что моя мама в послевоенные годы и даже позднее – в 1960-е (уже привычка!) вела в записной книжке записи расходов на каждый день: сколько потрачено на хлеб, сахар, конферы, ученические тетради, ботинки, в кино... Это были копейки. Она считала, что это дисциплинирует расходы. Привычка эта сохранялась у нее вплоть до последних дней. Для исследователя довоенной крестьянской жизни материал дневника, позволяет реконструировать экономику того времени – стоимость товаров, стабильность цен, потребительскую корзину и т. д. Хотя надо заметить, что семья Ананьева не совсем типична: он ремесленник, делает и продает посуду, сдает в аренду дом, у него останавливаются на квартиру, все члены семьи работают, и его доходы, наверно, нельзя сравнивать с рядовым колхозником, они были значительно выше. Записи о должниках говорят, что он имеет возможность давать в долг односельчанам и дает! По сообщению Раисы Дмитриевны на чердаке дома был сундук с деньгами, старыми. Павел Дмитриевич, видимо, до революции продал две лошади, вырученные деньги пропали после реформы. Внучка говорит, что ими она играла в детстве. Интересно и то, что в дневнике почти не упоминаются трудодни, наиболее распространенная форма расчетов колхоза с колхозниками. Единственная запись – о выработанных в 1935 году трудоднях – семьей или им самим? на с. 102, всего за год – 224 трудодня. Автор пишет о расчетах колхоза натурой – зерном, мукой, иногда деньгами: «Получил с колхоза ржи 1 пуд 15 фунтов» (С.4).

В дневнике – подробный перечень повседневных занятий всех членов семьи в колхозе и дома: «Хозяйка молотила в колхозе овес. И потом садила ригачу в колхозе ржи обивками»; «хозяйка молотила в колхозе рож», «хозяйка ставит став (ткацкий станок – В. Е.) или морозит тараканов»; «Я счыпал лучину» (для корзины – В. Е.), «Был дома, починял катанки», «Я был на озери на Мижозери, сачил, достал рыбы...». На женских плечах лежит вся домашняя работа. Дневник дает яркое представление о характере крестьянских работ, тяжелых, однообразных, ежедневных, с утра до вечера. И в колхозе и дома... «С. (среда) 3–20 (мая). Я был похажать верши, ... Митька ... до обеда пилили дрова в лесах. С обеда Митька в колхоз уехал пахать». До обеда – в лесу, после обеда – на пашне! Бороновали, косили, сажали картошку, «гладили» овес, рубили жерди, возили навоз... Это все тяжелый физический труд, который выполнялся часто

женщинами (а в 1937–38-е гг., и после войны деревни лишились мужиков из-за репрессий, погибли на фронтах), что еще более увеличило нагрузку на женские плечи: заготовка дров, ягод, грибов, выращивание картошки, мытье полов, уборка дома, прясть, ткать, топить баню, тяжелые работы в колхозе – обработка земли, выращивание картофеля, брюквы, льна, заготовка сена, смолокурение, лесозаготовки, ремонт дорог и т. д. Автор дневника ни словом не обмолвился, как устают его хозяйка, Митька, Марья. Это обычный крестьянский труд, обычная деревенская жизнь. Работали не только в колхозе, но и дома: те же крестьянские заботы на земле, со скотиной, женские заботы по дому – стирать, мыть полы, стены, колоть дрова, топить баню, прясть, ткать... Все это можно экстрополировать на всех жителей Красной Сельги, на всех крестьян. Очень редко в дневнике записи: «Был дома, ничего не делал», «Митька до обеда ушел рубить дрова, а с обеда ничего не делал». Но «ничего не делал» – это так редко, что об этом стоит даже отметить в дневнике. Или «Марья дома...», но если и дома, то добавляется «дома кое что», т. е. делает, какие-то домашние работы, которые за труд и не считаются... Без дела не сидели ни минуты. Днями отдыха в какой-то мере были религиозные праздники и воскресенья, но и то не всегда.

Многое уже в сельскохозяйственной, ремесленной, рыболовной терминологии в дневнике нам уже не понятно: что значит «гладить» овес? Или: «Митька переаривал овес. Хозяйка и Марья бороновали сеяной овес в дал. (дальнем) поли». И как это бороновать сеяной овес? Что значит «садила ригачьи в колхози ржи обивками»? или «Марья уберала остожи». Кто сейчас знает, кроме В. Даля, что значит «убирать остожи, остожья» (сооружения для сушки снопов – в поле или около ригачи). Или: «Митька в колхози заперал огороду» (ставил изгородь вокруг огорода); «Митька и Марья ходили похажать верши. Достали рыбы маленку варку». Понятно, что существенным подспорьем в крестьянском питании занимала рыба. Потому много места в дневнике автор пишет о своих рыболовных делах. С «похожки» на озера – на Мижозеро, на Койбозеро или на Тютозеро начинается запись на день. «П. 10–28. Я был на озери на Мижозери, сачил, достал рыбы 2 варки». Или: «Ничего не поймал, вытянул сак». Автор подробно описывает, как он вяжет «седки», ремонтирует и проверяет саки... Рыбачат или похажуют не только хозяин, но и Митрий, и Марья. Я долго не мог понять, что такое «варка», пока не догадался заглянуть к Далю. Как всегда, Даль знает, что «варя, варка» – это существительное, обозначающее «меру, количество чего, для сварения за один раз» (Даль. 1955. Т.1. С.165). Вот почему: «достал рыбы 2 варки». И все-таки, иногда рыба покупается.

Интересна запись: «Митрий и Марья были в лесу пилили сосну и (на?) лучину» (С.21, об. П.20–7). Это процесс заготовки материала (лучины) для освещения избы и для плетения корзин, бураков из сосновой лучины, процесс длительный и нелегкий. Заключается он в следующем: выбирается толстая сосна, ближе к дороге, делается весной топором подсочка, чтобы избавиться от лишней смолы. Через несколько месяцев она спиливается и разделяется на чураки, длина которых зависит от того, какого размера будет корзина – одноручная, двуручная, бельевая, для ягод или грибов и т. д., примерно, от метра до полутора метров. Эти тяжелые чурки надо вынести, вывезти, выкатить из леса к дороге, погрузить на телегу и привезти в деревню. Дальше их колют на плахи. Чтобы не таскать тяжести колют иногда прямо в лесу. И затем мастер уже дома «щипает» из расколотых плах лучину и плетет корзины. Такие напильные чураки мне приходилось видеть летом 2009 г. в лесу недалеко от д. Орзегги, в которой живет мастер-изготовитель корзин из лучины.

Иногда все-таки в дневнике проскальзывают события «местного» масштаба: «сменили конторщика», «сменили председателя, Ив. Егор. Соф. принял дела от

Губина», «Был мастер, починял самовары за 20 руб.», «К обеду будет кино», «Пиявкин ушел с квартиры» или наоборот, «поступил квартирант», «квартиранты ушли, перешли морозить тараканов», «Был баран у овцы», «Ночью была драка у соседей» и т. д. Записи о жизни в колхозе, об общественной деятельности, которая, несомненно, как-то проявлялась, занимают значительно меньше места в дневнике. Наверняка, работала школа и втягивала в свою орбиту родителей. Был комсомол и пионерия, ничего об этом нет. Изредка проскальзывают строки о выделении покосов единоличникам, о самообложении, о смене председателя или счетовода, но никаких комментариев. Скупые строчки сообщений: «Федосковых вычистили с колхоза» и подчеркнуто. «Митька ушел на собрание» или «Митрий ходил на собрание». Советский праздник – Первое Мая – пишет с большой буквы. В дневнике под 23 февраля 1935 г. запись: «Митрий праздновал советский праздник» – праздник – это день Красной армии. Праздновал только Митрий? Как он праздновал? Как отмечали в деревне? А вот Марья работала в это время – сено в колхозе грузила. О себе автор так же ничего не говорит, просто, «Я вязал седку» и все. Его отношение к празднику в этом умалчании. Праздник 1 Мая автор отмечает: «Я празновал». А потом: «Празновали все». Все мероприятия, собрания проводились в воскресные дни. Сам автор на собрания не ходит, это делает Митрий. Автор как бы подчеркивает это: он празднует воскресенье, а молодежь ходит на собрания: «В. 30–17. Воскресенье. Я празновал... Митька ушел к **Карасозеру** на собрание». Или: «Утром было собрание, перегнали на двор коней». В одной строчке – собрание и кони... Одной строчкой, лаконично – «Сняли председателя колхоза»... За что? Какое мнение автора, о чем было собрание, что обсуждалось, какое отношение его к собранию... Дневник нечто личное, не для посторонних и автор мог бы быть более откровенным, высказать свое мнение. Но... собрание и кони! «Сняли председателя» и сняли... Сухая констатация фактов. Дневник писался в суровые 30-е годы. Никаких оценок, рассуждений, эмоций, только факты. Автор был не глупым человеком и понимал что к чему.

Представляют интерес записи **о погоде**: 13 августа – «Ветер сильный», 29 августа – «Сильный ветер». И чем ближе к концу дневника, тем погода больше интересует автора, чаще и подробнее он делает метеорологические заметки: насколько дождливое было лето, или холодное, когда выпал снег, упал заморозок, теплые ночи... Они настолько информативны, что могут представлять интерес для – географов, метеорологов, историков. Из записей видно, что погода в середине 30-х годов была в такой же **мере аномальной**, как и в настоящее время.

Дневник говорит о тесных и теплых родственных связях Павла Тимофеевича: в дом к нему часто приезжают дочери с зятьями, другие родственники, и сам он ходит (пешком) то в одну деревню, то в другую. В круг общения дома «Павла» входят ближайшие деревни и села Заонежья – Мягрозеро, Карасозеро, Селецкое, Мунозеро, Шуньга, Леликозеро, Черкасы, Барковицы, Пегрема, Великая Губа, города – Медвежьегорск и Петрозаводск. Мир Заонежья не был изолированным: люди ходили друг к другу в гости, на престольные праздники, на именины, на ярмарки, на свадьбы и похороны, выезжали в крупные села и города, чтобы купить что-то (табаку, вина, костюм, «штиблеты») или продать, оформить документы, на учебу...

Одна из особенностей дневника – о некоторых событиях, погоде, лицах он отдельно записывает одним или двумя словами на полях страницы, там, где он обычно пишет числа и дни недели: «У овцы был баран», «Погода теплая», «Привезли пятаха», «Пришла Марья устьрецкая», «новый квартирант», «курица стала класть яйца, белая» и т. д. Возможно, для памяти. Затем он повторяет их в тексте. Эти записки я выделяю курсивом.

Этнографы найдут в дневнике информацию о культурах, выращиваемых в колхозах, сроках посева и уборки, местные, заонежские названия работ, например, «карзал хвою», богато представлена бондарная терминология, из чего делали ушаты,... (из какой породы дерева), сколько стоила деревянная посуда, насколько большим спросом она пользовалась...

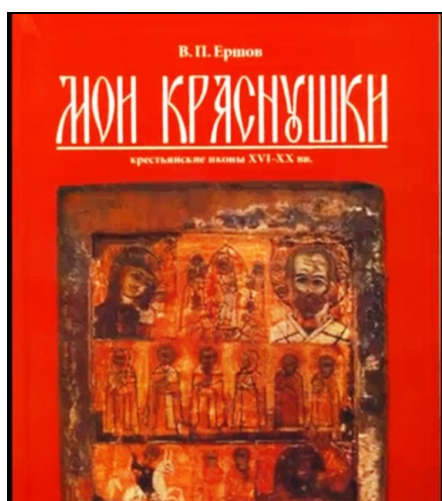
Дневник наполнен диалектизмами, названиями микрообъектов, в тексте богатейший состав лексических, морфологических, фонетических форм, что делает его уникальным документом для диалектологов: «починял», «метал навос», «складники», «был за черемшинами на складах» (С.4, об.), «был дома, делал складники черемуховые» (С.5), «Празник Гегорий умунозера» (С.5), «в колхози», «ригачья», «отбирает ягоды», «починял катанки», «гладила овес» и т. д.

Еще одна особенность дневника: начиная с 74 страницы собственно дневниковые записи заканчиваются. Далее идут записи внехронологии экономического характера: расходы, что и когда куплено, сколько получено денег, продуктов по месяцам и числам, счета, справки, табеля. Интересны записи о расчетах колхоза с колхозниками. Наш автор педантично записывает, что и сколько он получил от колхоза. Только однажды встретилась запись о трудоднях – сколько в год у него заработано трудодней, хотя он в полном смысле слова колхозником не был.

Расшифровку текста я старался делать в соответствии с формой записей автора дневника – по строчкам. По возможности, сохранял орфографию; точки и запятые, правда, ставил, поскольку содержание без этого понять трудно. И последнее, конечно, хотелось проиллюстрировать этот дневник фотографиями тех дней – вид деревни, домов, жителей. Такие фотографии со слов Вячеслава Алексеевича Агапитова были у его матери Евдокии Федоровны Агапитовой, но пришедший с фронта брат все фотографии сжег – время было опасное, деревня, как и все Заонежье, были под финнами, мало ли что... И в этом была своя правда...

К этому документу письменной крестьянской культуры XX века проявляют интерес этнографы, топонимисты, краеведы, историки, экономисты, поэтому к исследованию его был привлечен авторский коллектив.

В январе 2011 года состоялась презентация книги **Виктора Петровича Ершова**.

Ершов В.П. **Мои краснушки: крестьянские иконы XVI-XX вв.: каталог частной коллекции В.П.Ершова.** - Петрозаводск: Verso, 2010.-159с.: ил.

Виктор Петрович – доцент кафедры философии Карельской государственной педагогической академии, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры Карелии, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, автор 7 книг и более 120 статей. Каталог «Мои краснушки» представляет читателю частную коллекцию икон. Частные коллекции чаще всего не попадают в поле зрения ученых и любознательного читателя. Публикуемая книга восполняет этот пробел. В ней представлены как крестьянские иконы (краснушки), так и образцы профессиональной иконописи. Иконы, как и люди, имеют свои биографии. Читателю будет небезынтересно узнать, как складывалась судьба каждой иконы. Книга предназначена для искусствоведов, музейных работников, преподавателей школ и ВУЗов, а также для тех, кто интересуется проблемами культуры и искусства Севера.

Так выглядят залы музея в наши дни.

